

Карпова Людмила Леонидовна

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
Удмуртский государственный университет*

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ УДМУРТСКОЙ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье анализируются специфические синтаксические явления, зафиксированные в северных диалектах удмуртского языка. Выявление особенностей производится преимущественно в структуре словосочетаний.

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, синтаксис, порядок слов, словосочетание.

В удмуртском языкознании диалектный синтаксис остается одним из слабоизученных сторон языковой системы. На данном этапе лингвистическим анализом охвачены в основном многие удмуртские диалекты и говоры, однако синтаксический строй этих диалектов, по сравнению с другими уровнями языковой системы, в частности, фонетикой и морфологией, описанию и интерпретации не подвергался. Удмуртские диалекты в области синтаксиса не проявляют существенных различий друг от друга и от письменного литературного языка. Это, прежде всего, относится к синтаксическим показателям диалектов, поскольку грамматические нормы письменного языка вырабатываются на основе диалектов, которые, хотя и не все в одинаковой мере, являются источником обогащения для литературного языка. Вместе с тем народно-разговорный язык, функционирующий только в устной форме, обладает такими грамматическими средствами для выражения синтаксических отношений, которые не употребительны или не приняты в письменной речи. Рассмотрение вопроса диалектного синтаксиса осложняется еще и тем, что отдельные син-

таксические явления могут представлять собой особенности, характерные как для просторечия, так и собственно устно-разговорной речи. Впрочем, удмуртская устно-разговорная речь, как особая система языка, практически не исследована. По этой проблеме имеется лишь небольшая статья М. Р. Федоровой [Федорова 1990: 52–61], в которой освещаются некоторые специфические синтаксические конструкции удмуртской устной речи.

В данной работе нами предпринята попытка описать и проанализировать некоторые синтаксические особенности, выявленные в порядке слов внутри словосочетания в диалектах севернoudмуртского языкового ареала. Эмпирической базой исследования послужили материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов.

Вопрос порядка слов удмуртского языка в определенной степени рассматривался в исследованиях многих лингвистов, в частности, К. М. Баушева [Баушев 1929], М. Н. Булычева [Булычев 1947], Т. Г. Гавриловой [Гаврилова 1970: 107–118], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1986: 116–123], А. Ф. Шутова [Шутов 1993: 27–30] и др. В настоящем исследовании, в отличие от работ вышеуказанных авторов, где словопорядок анализируется в основном на материале художественных произведений и фольклорных текстов, мы акцентируем свое внимание на выявлении специфики порядка слов, наблюдаемой в диалектной речи.

Особенности функционирования разговорной речи оказывают существенное влияние на порядок слов в предложении. В разговорном языке существуют свои закономерности расположения слов, проявляющиеся как некие тенденции, действие которых не является абсолютным и строго обязательным. Большая вариативность порядка слов, как отмечает Е. А. Земская, определяется различными факторами, например, экстралингвистическими особенностями разговорной речи, в частности ее спонтанностью, неподготовленностью, также тесной связью с внеязыковой ситуацией [Земская 1987: 149]. В установлении порядка слов в предложении определенную роль играет словопорядок внутри слово-

сочетания как конструктивного элемента предложения. Особенностью словосочетания удмуртского языка, как и всех финно-угорских языков, является тенденция ведущего, главного слова занять конечную позицию. В речи носителей североудмуртских диалектов этот порядок нередко нарушается. Рассмотрим эти случаи.

В удмуртском языке более устойчивым является словопорядок в именных словосочетаниях. В живой разговорной речи, как и в кодифицированном удмуртском языке, порядок внутри адъективно-субстантивного словосочетания соответствует модели 'адъектив + субстантив'. При включении адъективно-субстантивного словосочетания в речевое произведение нередко используется инверсия, т. е. прилагательное располагается в постпозиции по отношению к определяемому существительному: *нылы зӧкӧз школа быттиз но пыр дойаркаын ужаз*. Байд. 'Дочка моя старшая школу закончила и всё дояркой работала'; *вал'эрик, чӧж-йосьть пичиоссэ аӱӱса, курэгез но вуэ тӱртӱнь турскэ*. Люм 'Валера, увидев утят маленьких [в воде], и курицу в воду пытается загнать'. При этом прилагательное, конкретизирующее предмет, интонационно выделяется логическим ударением.

В прономинально-субстантивном словосочетании местоимение, как правило, располагается в препозиции по отношению к определяемому им имени. В речевом же контексте данный порядок иногда нарушается, т. е. местоименный компонент может находиться в постпозиции: *пӱпӱз солэн чик ӧз йуылы взи*. Бер. 'Дедушка его вообще не пил лекарство'; *муми мынам с'имтэм вал*. Бер. 'Мама моя слепая была'. Такие определения могут располагаться и в дистантной постпозиции, играя роль добавлений и уточнений: *пыд'д'осыз кл'ок вис'о бабэлэн, арэскыз но ўан', т'амыстас но кӱин'*. ВМоч. 'Ноги очень болят у моей свекрови, да и возраст у нее, восемьдесят три [года]'; *нылыз п о н у лын улэ солэн*. Пес. 'Сестра=её в Нижнем Мочагине живет у нее'; В таких случаях определение-местоимение семантически и интонационно ослаблено.

Нумеративно-субстантивное словосочетание, как свидетельствуют наши материалы, характеризуется устойчивым порядком следования элементов 'имя числительное + имя существительное'. Однако в потоке речи возможно изменение данного порядка: компоненты словосочетания могут меняться местами. Словосочетания данной модели с инверсивной последовательностью элементов неоднородны по семантике: 1) постпозиция числового компонента в высказывании показывает приблизительность количественной характеристики: *чужна мон султис'ко часов п'ам'*. Юс. 'Утром я встаю **часов в пять**'; 2) числовой элемент находится в постпозиции как менее значимый компонент: *курэкийэ вит'эз, вылды, тан' арн'а чождэ б^бриз. йун курэктис'ко*. Зол. '**Цыплят=моих пять**, наверно, вот за неделю погибло. Очень переживаю'; 3) между компонентами нумеративно-именного словосочетания при обычном порядке появляется глагол-сказуемое, при этом логически и интонационно выделяется числовой компонент: *н'ил'дон д'эрэвн'аын вал уал'ло хоз'а-йство*. Бер. '**Сорок** в деревне было раньше **хозяйств**'.

Внутри глагольного словосочетания, как показывает диалектный материал, словопорядок при использовании в речевом контексте является более свободным и в препозиции, как правило, находится семантически более значимый элемент конструкции. В таких сочетаниях порядок следования глагольного и зависимого компонентов диктуется как речевой ситуацией, так и намерением говорящих выделить наиболее актуальный элемент, который располагается в начале словосочетания. Некоторые примеры: *гуртыс'эн нуллим с'ийон*. Гул. '**Из дома носили еду**'; *йупкамэ понна пыри корка*. Ук. '**За юбкой своей** [я] **зашла** в дом'. Кроме этого, в разговорной речи нередко встречаются случаи дистантного расположения элементов глагольного словосочетания: 1) компоненты словосочетания могут разделяться грамматическим субъектом: *пэймытоз' гыри-зы-киз'и-зы соос луд вылын, час шоры оз у-чкылэ*. Мос. 'До темноты **пахали-сеяли** они **в поле**, на время ('часы') не смотрели'; 2) между компонентами глагольного сло-

восочетания могут вставляться вводные слова, обращения и т. д.: *ко·т'кычэ крэз'йосты, шуыс'ко, тодылим ми*. Ук. 'Разные песни, говорю, **знали** мы'; *лыкты-ка, нылы, тат', ну·кс'ы*. Байд. 'Проходи-ка, дочка, сюда, присаживайся'.

В кодифицированном литературном языке глагольные сочетания с зависимым инфинитивом, как правило, располагаются рядом. В отличие от этого, в диалектах рассматриваемого ареала встречается довольно значительное количество примеров, когда глагол в форме инфинитива находится после глагола в спрягаемой форме, например: *пöчыыс'эн эшио мон кутски кэрскыны, мытый дьшиэтиз*. Байд. 'С малых лет еще я **начала вязать**, мама научила'. В данном случае перенос инфинитива на конечную позицию в предложении выделяет его, придает ему стилистическую значимость. Обнаруживаются также случаи, когда элементы глагольного словосочетания при обычном порядке оказываются отдаленными друг от друга, т. е. имеют дистантное расположение. При этом логическое ударение обычно падает на инфинитив: *и тин' сэрэзэ вис'ыны, вис'ыны мар кэ мон кутски*. Ел. 'И вот потом **болеть, болеть** что-то я стала'.

Специфическая особенность в словопорядке говоров рассматриваемого ареала проявляется в порядке слов в сочетании основного глагола с соответствующим отрицательным вспомогательным глаголом при наличии в предложении частиц *н'и, на, ук*. Эти частицы нередко разделяют отрицательный и основной глагол: *магазин бэн öз на пы·тсас'кы, н'ан'зы но ван' эшио*. Мос. 'Магазин еще не закрылся ('не еще закрылся'), и хлеб еще есть'; *мынам проч номрэ карэм но уг н'и пот*. Ел. 'Мне совсем ничего делать уже не хочется ('не уже хочется')'; *тарэзэ омар но киз' посуда но öз ук во·зылэ*. Ел. 'А вот ведь почему-то и посуду, чтобы сходить в туалет, не держали ведь ('не ведь держали') [в доме]'. Следует отметить, что в литературном языке и большинстве удмуртских диалектов частицы *н'и* и *на* занимают постпозитивное место по отношению к слову, к которому непосредственно относятся.

В заключение отметим, что многие вышеотмеченные синтаксические особенности, выявленные в словопорядке внутри словосочетания в живой разговорно-бытовой речи северных удмуртов, могут иметь параллели и в других удмуртских диалектах. Слабая изученность в этом отношении как диалектного, так и литературного материала вынуждают пока ограничиться лишь констатацией отдельных явлений и позволяют представить только общие наблюдения и результаты.

Сокращения

Названия населенных пунктов: Байд. – д. Байдалино Ярского р-на; Бер. – д. Березник Зуевского р-на Кировской области; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино Слободского р-на Кировской области; Гул. – д. Гулёково Глазовского р-на; Ел. – с. Елово Ярского р-на; Зол. – д. Золотарёво Глазовского р-на; Люм – с. Люм Глазовского р-на; Мос. – д. Мосеево Ярского р-на; Пес. – д. Пески Слободского р-на Кировской области; Ук. – с. Укан Ярского р-на; Юс. – с. Юски Кезского р-на.

Список использованной литературы и источников

Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка / К. М. Баушев. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 48 с.

Бульчев М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении / М. Н. Бульчев. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. – 87 с.

Гаврилова Т. Г. Порядок слов в удмуртском повествовательном предложении / Т. Г. Гаврилова // Записки УдНИИ. – Ижевск, 1970. – Вып. 21. – С. 107–118.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.

Серебренников Б. А. Синтаксис древнеудмуртского языка – синтаксис тюрко-татарского типа / Б. А. Серебренников // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. – Устинов, 1986. – С. 116–123.

Федорова М. Р. Синтаксические особенности удмуртской устной речи / М. Р. Федорова // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск, 1990. – С. 52–61.

Шутов А. Ф. Изучение порядка слов в пермских языках / А. Ф. Шутов // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 6. – С. 27–30.